

Л. Д. Синькова

УДК 821.161.3

Кафедра истории белорусской литературы, филологический
факультет, Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА ЕВЫ ЛЕОНОВОЙ

В статье проанализирована методология, сформированная в трудах Е. А. Леоновой. В основе этой методологии лежит принципиальная реабилитация (после советских времен) национального контекста как исходного пункта для сравнительного рассмотрения литератур. Белорусская литература сравнивается с другими европейскими на уровнях типологии, рецепции, дискурса, перевода. В компаративистике советских времен литературные явления для сравнения рассматривались элиминировано относительно национальных контекстов. В работах Е. А. Леоновой предпосылкой всех рассуждений является комплементарность контекстов. Благодаря новому подходу, работы Е. А. Леоновой завершают целый этап в белорусской постсоветской компаративистике.

Ключевые слова: методология, компаративистика, белорусская литература XX в., европейская литература, национальный и региональный контекст, комплементарный контекст, типология, рецепция, дискурс, перевод, реминисценция, аллюзия, дискретность, системность.

Образец цитирования: Синькова Л. Д. Сравнительное литературоведение в трудах профессора Евы Леоновой // София: электрон. науч.-просветит. журн. 2020. № 2. С. 50–57.

L. Sinkova

Department of history of Belarusian literature, philological faculty,
Belarusian State University, Minsk, Belarus

COMPARATIVE LITERATURE IN THE WORKS OF PROFESSOR EVA LEONOVA

This article analyzes the methodology formed in the works of E. Leonova. In the centre of this methodology is principal rehabilitation (after the Soviet era) of the national context as a starting point of comparative consideration of literatures. The Belarusian literature is compared with other European ones concerning: typology, reception, discourse, translation. In comparativistics of the Soviet era, literary phenomena for comparison were under consideration in an eliminated way according to the national contexts. The precondition of all reasonings in the works of E. Leonova is complementarity of contexts. Thanks to the new approach the works of E. Leonova complete the whole era in Belarusian postwar comparativistics.

Keywords: methodology, comparative, Belarusian literature of the 20 century, European literature, national and regional context, complementary context, typology, reception, discourse, translation, reminiscence, allusion, discreteness, consistency.

For citation: Sinkova, L. (2020). Comparative literature in the works of professor Eva Leonova. *Sophia*, 2, 50–57 (in Russ.).

Автор:

Людмила Дмитриевна Синькова – доктор филологических наук, профессор кафедры истории белорусской литературы БГУ.
ldsinkova06@mail.ru

Author:

Lyudmila Sinkova – doctor of philology, professor of the department of history of Belarusian literature, BSU.

Каким образом современная белорусская наука решает проблемы компаративистики? Ответ на этот вопрос я всегда находила в книгах Евы Александровны Леоновой: «Течения и силуэты: Из истории мировой литературы второй половины XIX–XX веков» (1998) [5], «Белорусская литература XX в. и европейский литературный опыт» (2002) [3], «Общее и особенное: Произведения белорусских писателей XX века в контексте мировой литературы» (2003) [2].

Особенно развитая, последовательная и целостная методологическая концепция сравнительного изучения белорусской литературы в ее отношениях с зарубежьем выработана и представлена в монографии «Белорусское искусство слова XX в. в европейском литературном контексте: типология, рецепция, перевод» (2014) [4]. Эта книга, о которой в основном и пойдет речь, подводит итог многолетних исследований профессора БГУ Е. А. Леоновой в области компаративистики, где Ева Александровна работает с самоотверженностью и серьезностью настоящего, высококлассного ученого.

Белорусская компаративистика получила особенно заметный импульс для своего развития в 1990-е годы, когда в программы не только высших, но и средних учебных заведений были введены требования изучать белорусскую и русскую литературы в контексте мировой. И сколько же материалов подготовила тогда Ева Александровна для учителей, как много времени провела в командировках в самые разные районы и отделы образования, чтобы обеспечить новое понимание литературы в школах Беларуси... Программы, как и уровни изучения предмета, не единожды изменялись. Неизменными, однако, при этом оставались и остаются серьезные методологические проблемы.

Компаративист всегда вынужден решать известную сакраментальную задачу: сравнивать, остерегаясь профанации – конъюнктурной натяжки, совсем случайных ассоциативных цепочек. Казалось бы, что здесь сложного: нужно всего лишь как следует знать контекст, ту историко-культурную почву, на которой избранные для сопоставления феномены сформировались. Это очевидно. Но очень трудоемко! Поэтому всегда есть искушение сравнивать что бы там ни было сразу же – непосредственно, по внешним совпадениям, по «ключевым словам», элиминируя явление из историко-культурного контекста. С такой практикой, особенно в работах менее опытных, начинающих исследователей, приходится сталкиваться довольно часто.

Между тем опытный филолог знает, что компаративистика выросла именно из культурно-исторической литературоведческой школы. Поэтому полноценное сравнительное изучение художественных явлений возможно лишь после добросовестных историко-культурных штудий.

Компаративистика требует глубокого знания того литературного процесса, из которого выбираются объекты для сопоставления. Иначе профанация неизбежна, и, конечно, она тем больше, чем меньше компетентность исследователя в контексте.

Контекст же открывается литературоведу прежде всего в двух своих проявлениях, по определению профессора А. А. Гугнина [1, с. 12]: *контекст национальный* (скажем, белорусский) и *региональный* (для белорусского – балто-славянский; затем – все более и более отдаленный). При этом каждый глубоко структурирован.

Например, *белорусский контекст*: здесь может привлечь внимание исследователя и факт из писательства еще протобелорусского, и из явственно национального, базового в традиции, и – снова национально-подавленного, маргинализированного, «креолизованного» (так сказать, «тутэйшага» – «здешнего») в результате различных ассимиляционных влияний, которые могли, уже было отступив волною, тем не менее вновь повториться в белорусском культурном пространстве. И в связи с этим для исследователя актуализируются явления би- и поликультурности (гетерогенности) разного происхождения, статуса и маркированности. Все это неизбежно и определяющим образом влияет на результат труда компаративиста.

Выбор объектов для соотнесения-сравнения-корреляции усложняется тем, что литературный процесс необходимо осознать и с точки зрения семиотической: как проявление специфического культурного полилога между литературой и философией, социологией и т. п.

С учетом сказанного легко понять, с каким интересом воспринимается работа Евы Александровны Леоновой о белорусской литературе XX в. в сравнении с иными литературами – европейского региона и Америки, в аспектах типологии и рецепции (одной из форм которой можно считать художественный перевод).

И очень скоро очевидным делается тот факт, что в монографии Е. А. Леоновой, прекрасного специалиста прежде всего по немецкоязычной, а также и по другим зарубежным литературам [5], а сегодня – и по литературе белорусской [2–4], все реалии действительно (не декларативно!) рассматриваются с глубоким, роскошным знанием и подачей национально-культурных контекстов.

Контекстуальный подход в монографии выдерживается и формально, и по существу. Формально – с точки зрения композиции, поверхности исследовательского текста. Например, когда вы начинаете читать о влиянии прозы Э. М. Ремарка на творчество В. Быкова и В. Некрасова, то вначале, как бы преамбулой, вы получаете точную (компактную, но насыщенную концептуально поданной фактографией) информацию о феномене «потерянного поколения», а также о контактах В. Быкова и В. Некрасова. Или при соотнесении творчества В. Быкова и Ж.-П. Сартра в связях обоих с традицией Ф. М. Достоевского вам предлагаются сведения о том, как и писатели, и их исследователи воспринимали и характеризовали философию экзистенциализма. Или вы начинаете читать главу о библейских образах и мотивах в романе В. Короткевича, но «входите в тему» благодаря знакомству с информацией о том, каким образом вообще классифицируются имеющиеся формы обращения к Библии в литературных произведениях. Или вы подступаете к главам с анализом переводов А. Рязанова с немецкого, затем – его поэзии на немецкий, а также его оригинальной поэзии на немецком (на котором он тоже пишет), и таким образом вы имеете возможность сначала узнать о целом круге «отношений Алеся Рязанова с немецким художественным словом на сегодня» [4, с. 230].

Я употребила определение «формально» на том основании, что, гипотетически, «вводные» фрагменты, подобные упомянутым, вполне можно было бы редуцировать без искажения собственно компаративных выкладок. Ведь подступы к объекту изучения – это та часть айсберга (исследовательской компетенции), которой Е. А. Леонова могла и поделиться, и не поделиться с читателем; как будто бы могла и не выводить дополнительные знания из подтекста на обозрение. Но суть в том, что без них невозможен айсберг компаративистики! Она, повторимся, вырастает из культурно-исторического

литературоведения. И как раз подробные историко-культурные фрагменты вызывают особую благодарность у читателя. Он получает в пользование все интеллектуальные наработки автора; видит, с какого высокого уровня обобщения знаний по теме начинается собственно сравнение.

Форма, однако, как известно, неразрывно связана с содержанием. Поэтому контекстуальный подход к сравнительному изучению белорусской литературы – это как раз не только видимая поверхность текста Е. А. Леоновой, а именно глубокая научная сущность всей книги. О ней, об исследовательских принципах, реализованных в монографии Е. А. Леоновой, необходимо сказать специально и подробно.

Казалось бы, такие термины, как «типология», «рецепция», «дискурс», «контакт», «перевод», «контекст» давно определены и стали общеупотребительными. Но лишь только дело доходит до конкретного и чрезвычайно актуального соотнесения белорусской литературы с зарубежными, мы незамедлительно сталкиваемся с тем, что эти термины и, главное, способы их использования, становятся слишком условными, ненадежными. Они требуют существенного уточнения, развертывания, чтобы описывать материал литератур (одна из которых белорусская), имеющих, как правило, слишком различные (по условиям существования и эстетическим ориентирам) пути развития.

И главное: литературовед не может автоматически одолжить, заимствовать где-то некий готовый, универсальный методологический алгоритм. Филолог, при всех выгодах и информационных бонусах, которыми обеспечивает пользователя современное высокотехнологичное общество, должен лично, креативно согласовать теоретическое снаряжение со своим материалом. Этот момент креативности очень важен: им опосредуется научная новизна исследования.

Как раз новаторская методологическая концепция, оригинальная и целиком соответствующая материалу, выработана и зафиксирована в книге Е. А. Леоновой. На эту систему взглядов необходимо ориентироваться, подобные подходы осваивать, брать в пример. Здесь осуществлено сакраментальное, всегда единичное, согласование теории с практикой; сотворена «встреча» всегда логических методов науки (компаративистики) с всегда феноменальным материалом литературы (белорусской и европейских).

И вот как осуществленное развертывается перед читателем.

Первая часть монографии открывается главой, названной строкой из поэмы В. Жилки «На сломе двух эпох зловещем...». Эта глава – лаконичный парафраз из очень известной и любимой преподавателями и студентами-филологами объемной работы Е. А. Леоновой «Течения и силуэты: Из истории мировой литературы второй половины XIX–XX веков» [5], в которой белорусская литература первой трети XX в. рассматривалась с позиций типологических: вот есть эпоха декаданса, есть модернистские течения в европейском искусстве (символизм, импрессионизм, эстетизм, натурализм, экспрессионизм), и есть необходимость определить соотношение белорусской литературы той же эпохи с этими течениями, оформленными в конкретные национальные школы.

По той причине, что белорусский литературный процесс на переходе из XIX в XX в. переживал не столько «Закат Европы» (актуальный для литературных традиций многих европейских стран), сколько – в первую очередь – весьма характерное славянское национальное Возрождение (Адраджэнне), то очевидно, что исследователю надлежало непременно учесть именно эту специфику здешнего историко-культурного контекста, который явно сопротивляется легкой, автоматической типологизации. Ведь

именно национальным контекстом обусловлена та большая разница, разновекторность в протекании литературных процессов, которую должен принимать в расчет исследователь. И Ева Александровна разницу такого рода учла. Характеризуя европейские эстетические течения, она связала с ними не течения же (т. к. течения и школы в белорусской литературе просто не успевали формироваться синхронно с мировыми), а отдельные, избранные имена и произведения тех белорусских авторов, в мироощущении и эстетике которых проявились (потому что не могли не проявиться!) те или иные соответствия, черты декаданса, также – отдельные стилевые переключки либо системные проявления символизма (исследовательницей здесь избраны М. Богданович, Янка Купала, В. Жилка, Я. Юхновец, Н. Арсеньева, Алесь Соловей), импрессионизма (М. Богданович, В. Жилка), эстетизма (М. Богданович, В. Жилка, Тодор Кляшторный), натурализма (Змитрок Бядуля, М. Зарецкий, Кузьма Чорный)...

Важно подчеркнуть, что по методу – это сравнение с фиксацией схождений и, обязательно, различий. По формулировкам – чрезвычайно точная профессиональная речь, что, конечно, характеризует всю монографию целиком; например: «произведенный Богдановичем анализ стихов Чупринки по многим параметрам есть картина символистской поэтики» [4, с. 45]; М. Богданович, «разделяя общее для европейских писателей мироощущение, воплотил его в отличительном поэтологическом ключе» [4, с. 58]; «В спектре коннотаций, в атмосфере и поэтике стихотворения [Купалы „Едущие“ – Л. С.] есть созвучие с экспрессионизмом» [4, с. 64]; «Присутствие Беккета и Ионеско дает о себе знать и в циклически-тавтологическом строении „Репетиции“ [А. Асташенка – Л. С.], и в „языковом коде“ последней, который также работает на раскрытие алогичности бытия, отчуждения людей» [4, с. 276]; «„Мечта о языке“, – сказал Сартр о театре Ионеско. Эти слова можно отнести к антидраме вообще и к „Опыту театра абсурда“ Асташенка в частности» [4, с. 276]...

Возвращаясь к первому разделу монографии, отметим: в нем Е. А. Леонова корректно зафиксировала своеобразную прототипологию – тот диалог (полилог) белорусской литературы с европейским модернизмом, о котором писали академики В. А. Коваленко, В. В. Гниломедов... Белорусское соответствие модернизму во времена «нашенивства» было специфическим, имманентным, потому что было дискретным. Однако же соответствие это (чаще фрагментарное, чем эстетически-целостное) уже тогда реализовалось, чтобы позже получить яркое продолжение.

Можно сказать, что названный раздел в монографии подтвердил главную особенность белорусской литературы как объекта для сравнительного изучения. Дело в том, что белорусскую литературу наиболее продуктивно и перспективно соотносить с инокультурными явлениями не посредством количественных (квантитативных) оценок (ведь она часто развивалась, как аллюзийно пишет Е. А. Леонова, «с петлей на шее», и многое в ней было деформированным), а посредством оценок качественных; начинать удобнее с анализа единичных белорусских явлений – феноменальных и, как правило, синкретических.

Именно таким образом, со вниманием к единичному, увиденному в контексте, выстроены все остальные разделы монографии Е. А. Леоновой.

Книга разделена на две части по хронологическому принципу: исследуется полилог белорусской литературы с другими европейскими в первой и второй половинах XX в. На первый взгляд, перечень основных белорусских персоналий, вынесенных в заглавия разделов книги, не слишком длинен: это М. Богданович, Янка Купала,

Якуб Колас, М. Горецкий, В. Жилка, В. Короткевич, А. Адамович, В. Быков, Я. Юхновец, А. Рязанов, А. Асташенок... Но суть в том, что все персоналии последовательно актуализируются как минимум в двух, а чаще – в нескольких конкретных национальных контекстах. Если контексты комплементарны для типологического анализа литературных явлений – раскрывается типология (например, прозы М. Горецкого и А. Барбюса; или лирических героев Янки Купалы и Г. Гессе в оригинальных купаловских стихотворениях и его переводе из Г. Гессе на тему Первой мировой войны); если комплементарность отчетливо проявляется на уровне рецепции – говорится о рецепции (эстетизма – в произведениях В. Жилки, западного Просвещения через посредничество И. Гете – у В. Короткевича, театра абсурда – у А. Асташенка); если есть объективные основания говорить о переключках в художественных традициях на уровне определенного дискурса, то в культурном контексте «прописывается» дискурс (немецкий, американский – в жизни и творчестве В. Быкова; купаловский и коласовский, восточный – у А. Рязанова; точно так же – и в отношении контактов, переводов... Каждый раз по-новому, с новой внимательностью к специфике диалога (полилога), потому что каждый солидный объект исследования в художественной литературе – уникален.

Многие и многие страницы книги Е. А. Леоновой восхищают.

Впечатляет скрупулезный разбор литературно-критических текстов М. Богдановича, с прочтением языковых и смысловых историзмов, архаизмов – белорусскому литературоведению не всегда хватает такой внимательности, мы часто цитируем М. Богдановича как своего современника. Роскошно в культурно-историческом смысле, с подробными отсылками ко многим исследователям-предшественникам написаны главы о стихотворениях Янки Купалы. В том числе о его переводе стихотворения Г. Гессе «В мгле»: со множеством фактов и доказательств вывода о том, что купаловский перевод – не интерпретация (в традиционном для переводоведения смысле), а именно собеседование, созвучие по мироощущению, проблематике и поэтике, именно философская «соположенность» [4, с. 69] немецкого и белорусского текстов...

Почти «книгой в книге» (если иметь в виду глубину и целостность рассуждений) являются главы о творчестве писателя с мировым именем В. Быкова. Также объемно и в высшей степени доказательно, ярко проанализировано, «разгерметизировано» концептуальное творчество А. Рязанова, которое только и можно понять в полилоге с различными контекстами: у Е. А. Леоновой это поле белорусской традиции (М. Богдановича, Янки Купалы, Якуба Коласа); традиции европейского модернизма и авангардизма со вниманием к фоносемантике (во французской, австрийской, немецкой поэзии); собеседование А. Рязанова с восточной и христианской философией и культурой; резонанс, но и важнейший диссонанс А. Рязанова с постмодернизмом как парадигмой.

Привлекает внимание также тот ракурс художественного универсализма, в котором проанализированы избранные произведения отдельных авторов (стихи «Едущие» Янки Купалы, «Мы долго плыли в бурном море...» М. Богдановича) и феномены всего творчества писателя (В. Жилки, Я. Юхновца). В главах такого плана большее место, чем в остальных занимают отсылки к инокультурному контексту: общекультурные аллюзии, мировоззренческие реминисценции. Подчеркнем, что «странствие» в литературной вселенной глубже раскрывает семантику классики, которую так и нужно видеть, – не только с однозначными или прагматическими привязками, что чаще бывает при ее штудировании. Вспомним: филология со времен М. Бахтина пользуется

законным правом постигать текст как посредством строгой перекодировки образов из одного символического языка в другой, так и через изображение «зеркальной» символики, постижение образа посредством моделирования аналогичного образа.

Кстати, еще в двух главах книги белорусские и инокультурные произведения (М. Горьцкого и Ф. Кафки, А. Адамовича и Р. Мерля) соотносятся скорее реминисцентно, ассоциативно, чем типологически. Правда, судя по заголовкам, произведения воспринимаются как бы вполне паритетно: «Рассказ Максима Горьцкого „Русский“ и новелла Франца Кафки „Превращение“: две истории душевной метаморфозы» – с акцентом на экзистенциальном мироощущении обоих авторов; «Антиутопии Алеся Адамовича „Последняя пастораль“ и Робера Мерля „Мальвиль“» – со вниманием к жанровой аналогии. На деле же в этих парах белорусские произведения коррелируют с зарубежными более фрагментарно, чем системно, поэтому главы и отмечены акцентом на мировоззренческом, универсальном, и на красноречивых деталях. (Хотелось бы еще добавить, что поэтикой экспрессионизма, связанного с именем Ф. Кафки, выделяются прежде всего «Сокровища жизни» М. Горьцкого и его «зашифрованные» дневниковые записи от имени Леониуса Задумекуса.)

Есть еще одна важная особенность глав, ориентированных на фиксацию стилевой полифонии в произведениях любого автора: это необходимость не упустить из виду стилевую доминанту. Такая доминанта в произведениях художника может эволюционировать или просто изменяться (например, от романтической к неоромантической и символистской у В. Жилки), но произведение всегда должно иметь стилевую определенность и целостность, акцент на какой-то одной, приоритетной составляющей (ведь качественный законченный текст всегда не «бесстилевой», не эклектичный).

Так, повторимся, чрезвычайно богатым, разветвленным получился историко-культурный контекст в главе о библейском в романе «Христос приземлился в Гродно» В. Короткевича. Читателю представлена вся серьезность, весь диапазон темы, разные ее уровни, включая ассоциативные отсылки (глава занимает 27 с., библиографический список к ней включает 37 позиций). Мы видим, как «размахнулся» белорусский классик, на что он романтически-смело посягнул. В результате, благодаря такой контекстуальной презентации, читатель не только убеждается, что роман «Христос приземлился в Гродно» – это именно «развернутая аллюзия на библейский сюжет» [4, с. 118], а не что-либо иное (например, не философско-эстетическая мифореставрация, рецепция библейского сюжета или фрагментарная апелляция к нему). Вдобавок читатель получает еще и адекватное понимание романного текста и значимости созданного Короткевичем, видит реальное место белорусского автора в ряду тех выдающихся мировых творцов, которые обращались к библейским образам и мотивам...

Итак, в соответствии с проанализированной моделью исследования, которая сложилась в трудах Е. А. Леоновой и системно проявилась в ее монографии «Белорусское искусство слова XX в. в европейском литературном контексте: типология, рецепция, перевод», констатируем следующее.

В названной монографии, во-первых, последовательно осуществилась принципиальная реабилитация (после советских времен) национального контекста как исходного пункта для сравнительного изучения литератур на любом аналитическом уровне. В компаративистике советского времени, как известно, существовал императив рассматривать литературные явления максимально элиминированно, с минимализацией национальных контекстов, с абсолютизацией типологических, и прежде всего

идеологических, примет советской историко-культурной эпохи. В монографии же Е. А. Леоновой есть отсылка к теории А. А. Гугнина о развитии и взаимодействии литератур в национальных и региональных контекстах. Объекты для сравнения сформированы национальным белорусским контекстом и контекстами литератур европейского региона.

Во-вторых, важнейшим условием для компаративных процедур в работах Е. А. Леоновой является комплементарность национального и регионального контекстов. На этой основе в монографии «Белорусское искусство слова XX в. в европейском литературном контексте: типология, рецепция, перевод» проведено исследование творчества М. Богдановича, Янки Купалы, Якуба Коласа, М. Горецкого, В. Жилки, В. Короткевича, А. Адамовича, В. Быкова, Я. Юхновца, А. Рязанова, А. Асташенка и др. в соотношении с комплементарными выдающимися явлениями из литератур европейского региона (французской, немецкой, австрийской, русской, английской и др.), а также из литератур стран Востока (китайской, японской поэзии) и Америки (прежде всего из наследия Э. Хемингуэя).

Монография «Белорусское искусство слова XX в. в европейском литературном контексте: типология, рецепция, перевод» – это стратегическое завоевание отечественного литературоведения. Почему именно стратегическое? Потому, что работа Е. А. Леоновой подводит определенную черту под целым красноречивым этапом в белорусской советской и постсоветской компаративистике (работы В. А. Коваленко, О. А. Лойко, В. В. Гниломедова, В. П. Рагойши, М. А. Тычины, Я. Чиквина, И. В. Шабловской, Л. К. Тарасюк, П. В. Васюченко, И. Э. Богданович, Г. К. Тычко и др.), который стал своеобразной хроникой апробации методологии для изучения белорусской литературы в сравнении с другими европейскими и мировой.

Библиографические ссылки

1. Гугнин, А. А. Основные этапы развития серболужицкой литературы в славяно-германском контексте: науч. доклад ... дис. докт. филол. наук: 10.01.05 / А. А. Гугнин; РАН, Ин-т славяноведения. – М., 1998. – 78 с.
2. Лявонова, Е. А. Агульнае і адметнае: Творы беларускіх пісьменнікаў XX стагоддзя ў кантэксце сусветнай літаратуры: дапам. для настаўн. устаноў, якія забяспеч. атрыманне агул. сярэд. адукацыі / Е. А. Лявонова. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2003. – 197 с.
3. Лявонова, Е. А. Беларуская літаратура XX ст. і еўрапейскі літаратурны вопыт: дапам. для студ. філал. фак. / Е. А. Лявонова. – Мінск: БДУ, 2002. – 128 с.
4. Лявонова, Е. А. Беларускае мастацтва слова XX ст. у еўрапейскім літаратурным кантэксце: тыпалогія, рэцэпцыя, пераклад / Е. А. Лявонова. – Мінск: БДУ, 2014. – 318 с.
5. Лявонова, Е. А. Плыні і постаці: 3 гісторыі сусветнай літаратуры другой паловы XIX–XX стагоддзяў: дапам. для настаўнікаў / Е. А. Лявонова. – Мінск: Рэд. часоп. «Крыніца», 1998. – 334 с.

Статья поступила в редколлегию 20.09.2020.